

УДК 93/94

БОГДАНОВ Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Губкинского института (филиала) Московского государственного университета

ОРЛОВ Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Губкинского института (филиала) Московского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БОРЬБЫ С ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1953 годы)

Статья посвящена историческим особенностям воспроизводства экономической преступности в СССР в первые послевоенные годы. Анализируются причины, способствовавшие увеличению количества зарегистрированных хищений государственной собственности, спекуляции, содержится статистический материал, характеризующий репрессивную деятельность государства в этот период в отношении расхитителей государственного имущества, спекулянтов.

1945–1953 годы, хозяйственные преступления в СССР, история борьбы государства с хозяйственными преступлениями

Проблематика экономической преступности в России в настоящее время продолжает сохранять свою актуальность. Столь пристальное внимание отечественных обществоведов к данному вопросу продиктовано не только конъюнктурным интересом, но и долгосрочной стратегией экономической безопасности страны.

Кроме того, обращение к истории борьбы государства с преступными проявлениями в сфере экономики и управления в первые послевоенные годы позволяет обнаружить целый ряд особенностей. Это также подводит современников к ответу на вопрос: «Каким образом государству в столь сжатые сроки удалось нанести сокрушительный удар по общеуголовной, в т.ч. и экономической преступности?»

В первые послевоенные годы государственными органами страны были предприняты масштабные усилия по противодействию

уголовной преступности. Фактически уже к концу 1947 г. удалось сбить вал уголовных преступлений, нанести серьезный удар по расхитителям государственной собственности и спекулянтам. Однако базисные причины воспроизводства экономической преступности скрывались в чрезвычайно жестком каркасе дефицитной советской экономической модели, при этом необычайно бюрократизированной.

Советская власть, потеснив легальное предпринимательство, создала все для ухода его в тень. На самом деле мелкое предпринимательство в виде пошивочных и сапожных мастерских, фотографических услуг, изготовления кондитерских изделий, оказания различных ремонтных услуг населению продолжало сохраняться. Эту деятельность государство регламентировало выдачей соответствующих патентов. Однако поставленное в немыслимое, с точки зрения налогообложения, существова-

ние, оно не могло выжить, не будучи втянутым в «теневые» экономические отношения и хитроумные схемы хищений и спекулятивных операций. Именно в эти годы начинался процесс сращивания дельцов «теневых» производств, криминального мира и части коррумпированного советского чиновничества.

Деятельность органов БХСС была направлена в том числе и на противодействие незаконной предпринимательской деятельности. Однако, несмотря на серьезность наказания, этот вид нелегальной хозяйственной деятельности продолжал воспроизводиться, чутко реагируя на издержки функционирования советской экономической модели, организацию снабжения населения продовольственными и промышленными товарами. А иногда и удовлетворяя растущий спрос более состоятельных слоев населения на дефицитные товары. В этой связи было серьезным упрощением представление о всесии сталинского режима в борьбе с экономической преступностью.

Действительно, задавленная тотальным страхом, подавляющей бедностью и поиском внутренних врагов советская повседневность 1930-х гг. демонстрировала снижение преступлений в сфере экономики. Однако уже в годы войны ситуация начала меняться. Хищения, мошенничество, спекуляция пышно произрастали под прикрытием базарной торговли, стихийных «барахолок». Подлинный взлет экономической преступности наблюдался в первые послевоенные годы.

Именно в этот период она окончательно профессионализируется и приспособляется к тоталитарной государственности.

Итак, попытаемся реконструировать основные события первых послевоенных лет.

Первые послевоенные годы характеризовались всплеском как общеуголовной, так и корыстной хозяйственной преступности. 1945–

1948 гг. обнажили весьма неприглядную грань советской действительности – значительный рост всех видов уголовной преступности. За первый послевоенный 1946 г. в СССР было зарегистрировано органами внутренних дел 1.014.274 преступлений. Это оказалось почти на 20% больше, нежели в 1945 г. В 1947 г. этот показатель неуклонно возрастал – зарегистрированных преступлений оказалось уже 1.234.377. Прирост, в сравнении с 1945 г., составил чуть более 46%¹.

Города вновь стали будоражить известия и слухи о дерзких ограблениях сберегательных касс, коммерческих магазинов, складов, нападениях на инкассаторов². Это становилось приметой послевоенной жизни как крупных городов, так и советской глубинки.

Весьма тревожной тенденцией послевоенной преступности являлось втягивание в ее ряды молодежи от 16 до 21 года и подростков. При этом около 68%, попадавших на скамью подсудимых молодых людей, ранее не привлекались к уголовной ответственности. Среди привлеченных к уголовной ответственности в 1946 г. несовершеннолетние составили 43%. Этой возрастной категорией, по сообщениям органов внутренних дел, совершались преимущественно кражи, грабежи, хулиганские действия, реже убийства³.

Только за первые два весенних месяца 1949 г. в городах СССР было зарегистрировано 399 преступлений, которые были совершены лицами без определенных занятий и места жительства⁴. В настоящее время уже невозможно сказать, сколько из них совершили преступления из острой нужды, а сколько преступлений приходилось на долю профессионального криминалитета.

Криминализации советского общества способствовали следующие факторы: массовое передвижение эвакуированных, демобилизо-

ванных, репатриантов и т.д.; амнистия некоторых категорий заключенных по отдельным уголовным статьям в связи с победой над Германией; наличие у населения большого количества огнестрельного оружия, оставшегося со времен войны, что способствовало появлению вооруженных банд.

Первые послевоенные годы характеризовались также и ростом экономической преступности. После войны резко увеличилось количество совершенных хищений (на 16% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.)⁵, а также случаев спекуляции (на 40,4% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.)⁶.

Спекуляция стала характерной чертой повседневной жизни советских городов в первые послевоенные годы. Милицейские сводки с мест фиксировали постоянный рост этого вида преступлений. Так, например, если в третьем квартале 1946 г. правоохранительными органами Ленинграда и Ленинградской области было возбуждено 100 дел по данному составу, то в четвертом квартале таких уже было 236 дел, в первом полугодии 1947 г. этот показатель уже составил 480 уголовных дел⁷.

Дефицит и явная нехватка продуктов питания создавали питательную почву для всевозможных махинаций с продуктовыми карточками. Пользуясь слабым контролем со стороны руководителей предприятий, учреждений и домоуправлений, карточных и контрольно-учетных бюро, уполномоченных по выдаче карточек, а иногда и руководители этих самых организаций включали в списки на получение карточек вымышленных лиц. Получали на них карточки и сбывали их на рынках или отварили в магазинах и спекулировали потом продуктами. Для наведения порядка и усиления контроля за выдачей карточек проводились проверки партийными организациями при участии милиции⁸.

Так, например, только в октябре 1946 г. за перепродажу продовольственных карточек в Ленинграде сотрудниками органов внутренних дел было задержано всего 2.387 граждан, из них 58 было предъявлено обвинение по соответствующей статье УК РСФСР⁹.

Активизировалась на данном направлении и работа органов внутренних дел. В соответствии с приказом МВД СССР от 6 сентября 1946 г. органами милиции за 3 месяца (октябрь-декабрь) было задержано на рынках страны за куплю и продажу карточек 66793 человека, из которых привлечено к уголовной ответственности 10063 человека.

У привлеченных к уголовной ответственности было изъято: карточек и талонов на хлеб и другие продукты – 424.566; в переводе на хлебопродукты (в тоннах) – 4952; карточек и талонов на питание – 126.146; на промтовары – 330.940; денег – 5.109.316 руб. других ценностей на сумму 2.952.365 руб. Кроме того, практически повсеместно органы милиции фиксировали широкое распространение изготовления и сбыта фальшивых карточек¹⁰.

По мере обострения продовольственных сложностей в стране основным объектом преступных посягательств становилось продовольствие. С осени 1946 г. органы внутренних дел СССР стали фиксировать увеличение различных преступлений в отношении государственного и колхозного имущества: от разбоев и грабежей до должностных подлогов и хищений¹¹.

Министр государственного контроля СССР Л.З. Мехлис 3 августа 1946 г. направил довольно объемное (56 стр.) письмо И.В. Сталину и А.А. Жданову «О разбазаривании колхозной собственности руководителями ряда партийных организаций». В заключении он писал: «...Размеры беззаконий, допускаемых в отношении колхозной собственности многими парт-

работниками, столь велики, что часто партийный аппарат не в состоянии занять принципиальную позицию в отношении лиц, разбазаривающих колхозную продукцию»¹².

Согласно информации Генеральной Прокуратуры СССР, в ноябре 1946 г. было привлечено к уголовной ответственности за хищение зерна 5407 колхозников, в том числе в Саратовской области – 517 граждан, Харьковской – 410, Днепропетровской – 365, Курской – 363, Херсонской – 318, Московской – 261, Воронежской – 197, Запорожской – 185, Великолукской – 147, Могилевской – 106, Кировоградской – 109. Всего в названных областях по возбужденным прокуратурой уголовным делам было выявлено хищение 830 т зерна¹³.

В целом, осенью 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53369 человек, из них 36670 человек (74,3%) приговорены к лишению свободы. По закону от 7 августа 1932 г. осудили 1146 человек, из них 35 человек приговорили к расстрелу. Много осужденных по такого рода делам было в Красноярском и Ставропольском краях, в Башкирской АССР, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Киевской, Харьковской, Одесской областях¹⁴.

Огромное влияние на осложнение криминогенной обстановки оказал голод 1946–1947 гг., охвативший практически всю страну. В этих условиях самым распространенным видом преступлений стало хищение хлеба. Судами за 10 месяцев 1946 г. было рассмотрено 93 уголовных дела, связанных с хищением хлеба из системы «Заготзерно» в количестве 5591 кг. Только за второе полугодие 1947 г. в Астраханской области было изъято у преступников 20848 кг хлебопродуктов¹⁵.

Большую долю уголовных преступлений дали хищения государственного хлеба. К концу 1947 г. в тюрьмах и лагерях было примерно 80 тыс. человек, осужденных по Закону от

7 августа 1932 г., и 300 тыс. человек отбывало наказание по указам от 4 июня 1947 г.¹⁶

К 1947 г. на территории страны практически половину всех совершаемых уголовных преступлений составляли различные кражи и хищения – 49,2% от всех зарегистрированных преступлений¹⁷.

В целом по СССР число хищений всякого рода имущества выросло в 1947 г. относительно 1946 г. на 43,7%. Случаи бандитизма, разбоя и грабежа в 1947 г. были в 2 раза чаще, чем в предыдущем. Примечательно, что 32,7% краж было совершено женщинами. Среди расхитителей в 1947 г. коммунистов и комсомольцев было в 2 раза больше, чем в 1946 г. Собственно уголовная преступность носила отчетливо выраженную социально-классовую окраску. По всем видам правонарушений доминировали самые низкооплачиваемые группы трудящихся – рабочие и колхозники¹⁸. При этом, усиливавшаяся идеологическая риторика по поводу сознательности и нетерпимости коммунистов и комсомольцев к любым проявлениям хищений государственного и общественного имущества оказывалась довольно слабым аргументом для многих представителей «авангарда» рабочего класса.

Помимо хищений, серьезный вред общественной собственности наносили различные хозяйственные преступления: злоупотребление властью руководством предприятий, разбазаривание имущества и т.д. С такого рода преступлениями боролись всевозможными методами, в том числе экономическими, законодательными и, конечно же, репрессивными, отдавая предпочтение последним. Не только в высших руководящих кругах, но и в кругах юридических существовало мнение, что мягкая уголовная ответственность ведет к разгулу преступных элементов. И Министерство юстиции РСФСР ориентировало суды на ужесточение мер наказания.

В послевоенный период начали появляться первые нелегальные цеховые производства, которые нацелены были на извлечение прибыли посредством выпуска наиболее дефицитных товаров (мыла, одежды, обуви, предметов домашней обстановки). Сырье для производства данной продукции, как прави-

ло, похищалось из государственных предприятий. Поэтому этот вид деятельности вряд ли можно назвать положительным примером предпринимательства. Таким образом, закат тоталитарной эпохи знаменовал зарождение профессиональной экономической преступности в СССР.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 1169–185.

³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 20–50.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 235. Л. 349–355.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

⁷ Отдел специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (ОСФ РИЦ ГУВД СПб и ЛО). Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 13; Д. 18. Л. 2; Д. 19. Л. 2.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 54.

⁹ ОСФ РИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 1. Д. 135. Л. 236.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 54.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 411–434.

¹² ГА РФ. Ф. 8300. Оп. 24. Д. 5. Л. 82.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1614. Л. 99–102.

¹⁵ *Федин С.А.* Деятельность милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Астрахань, 2007. – С. 16.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 150.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р. 9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 20–32.

Рецензент – *Галдин В.И.*, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова